

Будущее моей
ДОЛЖНИЦА

НЮТА ЦАРЁВА

Нюта Царёва

Будешь моей, Должница

<https://litres.ru/74238438>

Аннотация

— Ты вообще понимаешь, что натворила? — Я... я... — девчонка пытается что-то сказать. — Что, платить нечем? — помогаю ей. Резко мотает головой. — Я... я все отдам. Или... или могу отработать, — испуганно шепчет она. Я не могу удержаться от смеха. — Отработать? Серьезно? — Я подхожу ближе, сжимаю подбородок пальцами и смотрю ей прямо в глаза. — Чем ты собралась отрабатывать, Воробушек? На тебя ни у одного мужика не встанет. Бледные губы дрожат, а по щекам расползается румянец. — Ладно, я сегодня добрый, — хмыкаю довольным. — Мы торопимся. Будешь моей должницей — Должницей? — переспрашивает тихо, словно пробует слово на вкус. — Именно. До встречи, Воробушек, — расплываюсь в ехидной ухмылке. — В следующий раз не отвертись.

Содержание

Глава 1 Илиана	4
Глава 2 Тихомир	9
Глава 3 Тихомир	14
Глава 4 Илиана	19
Глава 5 Тихомир	26
Глава 6 Илиана	33
Глава 7 Тихомир	39
Глава 8 Илиана	45
Глава 9 Тихомир	51
Глава 10 Илиана	57
Глава 11 Тихомир	63
Глава 12 Илиана	70
Конец ознакомительного фрагмента.	74

Глава 1 Илиана

Телефон в кармане звонит совсем невовремя. На экране высвечивается имя Аллы Степановны.

Конечно, кто еще.

Не ответить не могу и принимаю звонок.

— Алло?

— Иля! Ты уже приехала? В общежитие устроилась? Документы не забыла? Вещи все взяла? — выпаливает это все на одном дыхании.

— Я еще еду. Все взяла. Не переживайте.

— А машина нормально едет? — Она понижает голос, будто боится, что кто-то услышит.

— Ну так себе, но едет, — честно отвечаю, плечом прижимая телефон к уху. Руль надо держать крепко, а то авто уносит влево.

— Слушай, будь осторожна! Дороги сейчас скользкие. Ты точно справишься?

Конечно, сейчас самое время об этом подумать. Как будто у меня есть выбор.

— Справлюсь, Алла Степановна. Спасибо, что беспокоитесь, но все будет нормально. Я вас позже наберу, как доберусь.

— Хорошо, — наконец смягчается она. — Но обязательно звони. А то я знаю вас, молодежь. Все время забываете

о взрослых.

— Не забуду, обещаю.

Заканчиваю разговор и глубоко вздыхаю. Забота — это, конечно, приятно, но иногда просто невыносимо, особенно, когда невовремя. Хочется сосредоточиться на дороге, а не отбиваться от вопросов.

Руль дрожит у меня в руках, как будто вот-вот развалится. Я жму на педаль тормоза, но машина едва замедляется.

Черт! Черт! Черт!

Пурга вокруг такая, что не видно даже встречи. Дворники беспомощно скребут по стеклу, а по моей спине скатывается холодный пот.

Зачем я только согласилась взять машину Аллы Степановны? Но как ей откажешь...

Светофор впереди резко загорается красным.

— Тормози! Тормози! — умоляю я и давя на педаль, но машина не слушается, а тормоза скрипят, будто издеваются надо мной.

Ладно, пусть катится потихоньку... Может, обойдется. Но нет.

Внезапно из ниоткуда появляется огромный черный внедорожник и на большой скорости приближается. Его фары слепят меня через зеркало, и глухой бас из колонок доносится даже сквозь закрытые окна. Он резко подрезает меня и тормозит прямо перед носом. Я только успеваю вскрикнуть, оперевшись ногой в педаль тормоза, а потом — удар.

Глухой скрежет, мой лоб чуть не врежется в руль. Благо ремень спасает. Сердце останавливается на мгновение, а потом начинает бешено колотиться в груди. Я не дышу.

— Боже мой... — шепчу, вцепляясь в руль, как будто это поможет спасти меня от надвигающейся реальности.

Сзади меня друг за другом останавливаются еще две машины, перекрывая пути отъезда. Все внутри меня кричит о том, что я круто попала!

Мамочки...

Через треснутое заднее стекло вижу, как из машин выходят люди. Двое. Нет, трое. Высокие, массивные, как будто сошли с экрана фильма про гангстеров. У одного руки в карманах куртки, другой надвигается на мою машину так быстро, что теряется из виду.

— Эй! — стучат в окно. Я вздрагиваю и вжимаю голову в плечи, как будто это меня спасет. — Ты там что, заснула? Давай, выходи!

Нет. Я не выйду. Я не могу выйти. У меня нет денег. Нет возможности что-то объяснять. Я сжимаюсь в комок на сиденье, и мне кажется, что они вот-вот услышат, как громко колотится мое сердце.

Парни начинают громко ржать. Один из них, с широкими плечами и яркой татуировкой, нагло пинает по переднему колесу моей машины.

— Слышь, она реально ехала на этом ведре! Как оно еще не развалилось по дороге? — хохочет он.

— Да тут, наверное, вместо мотора хомяк в колесе бегает!
— добавляет другой, и их громкий смех эхом отражается в ночной тишине.

Я задыхаюсь от страха. Внутри все переворачивается. Они такие уверенные, такие бесстрашные... А я? У меня даже слов нет, чтобы ответить. Я боюсь, что любое мое движение только усугубит ситуацию. Одна в чужом городе. Ни денег, ни знакомых.

— Мы долго будем ждать? — Снова стук в стекло, а я дрожу еще сильнее.

Смотрю на их силуэты через запотевшее стекло. Мне хочется спрятаться, исчезнуть. Или хотя бы провалиться сквозь землю. Господи, что мне делать? Может, выйти и сказать правду? Но что они сделают, когда узнают, что я не смогу заплатить ни за их машину, ни за свою глупость?

Я судорожно дышу и чувствую, как начинает кружиться голова.

— Ты что, глухая? — тянет лениво темноволосый. — Мы просто поговорим.

Нет. Я качаю головой. Они смеются. Их смех звучит глухо и пугающе. Двое парней начинают раскачивать машину, а я вцепляюсь в руль еще сильнее.

— Откроешь дверь или нам самим выломать ее?

Я зажмуриваюсь, чувствуя, как паника сковывает каждую клеточку моего тела. Они издеваются надо мной. Что мне делать? Убежать? Позвонить кому-то? Но кому? У меня нет

никого в этом городе. Я здесь одна, абсолютно беспомощная.

— Открывай, пока хорошие, а то нам скучно становится,
— произносит тот, что пинал колесо, и для убедительности снова стучит по машине, заставляя ее содрогнуться.

— Перестаньте! Пожалуйста! — вырывается у меня.

В груди все сжимается. Мысли бегают хаотично. То и дело сталкиваясь друг с другом в приступе паники.

— Ого, она заговорила, — ухмыляется темноволосый парень. — Ладно, хватит. Просто открой дверь.

Делать нечего... Трясущимися пальцами все-таки дотягиваюсь до ручки двери. Машина качается от еще одного толчка, но их смех резко замолкает.

— Парни, вы совсем охренели? Сбавьте обороты.

Еще один парень выходит из машины, в которую я въехала. Вздерикивает волосы и подходит ближе. Рассматривает меня с интересом, как рыбу в аквариуме. Но он единственный, кто не стал издеваться... Стучит по стеклу еще раз, но теперь без смеха.

Смотрю на него и почти не дышу. Высокий, с темными глазами, в кожаной куртке, от которой отражается свет фар. Его взгляд цепляет меня через стекло, и на несколько секунд все вокруг замирает.

— А ты, Воробушек, чего сидишь? Выходи. Поговорим по-взрослому, — говорит он с легкой усмешкой.

Глава 2 Тихомир

— Тихомир, ты думаешь, я буду тебя ждать всю ночь? — голос отца рвет тишину в салоне, а я невольно закатываю глаза. Достал уже со своими нравоучениями.

— Я сказал, что приеду. Не напрягайся, — огрызаюсь в трубку.

— Встреча началась пятнадцать минут назад. Если ты хочешь, чтобы тебя воспринимали всерьез, будь пунктуальным.

— Да понял я! — Отвечаю раздраженно и сбрасываю звонок. Вечер и так испорчен.

Возвращаю громкость на максимум и вдавливаю педаль в пол.

Пурга такая, что дорогу едва видно, но мне плевать. Бассы в колонках гремят так, что вибрация чувствуется в груди. Я давлю на газ и почти не смотрю на спидометр. Вечер и так уже в полной заднице — с отцом поругался из-за какой-то херни. А это значит, что сумма доната сильно уменьшится. Бесит, сука!

Мы с Рафом разъехались на прошлом перекрестке. А сейчас он летит справа. Я успеваю проскочить перед ним, но впереди на дороге кто-то плетется, как черепаха. Резко обруливаю эту рухлядь, невольно подрезая и торможу у перекрестка, все же пропуская друга. Не успел, сука. Еще и све-

тофор не в тему — красный. Достало все.

Сзади удар. Машина содрогается. Я вылетаю из мыслей и хватаюсь за руль. Мгновенная злость накатывает волной. Не может быть! Кто-то серьезно врезался в мою тачку? Это что за идиот?!

Я вырубаю музыку и откидываюсь на спинку, чтобы унять внутренний армагеддон. Краем глаза вижу, как друзья, что гнали за мной, выскакивают из своих тачек, а я растираю лицо руками. Что-то я реально подзадолбался. В зеркало наблюдаю за парнями.

Ржут, что-то кричат, раскачивая машину. До меня долетают только обрывки фраз. Надо выйти и разобраться, но так не хочется всего этого гемора. Отец еще ждет.

Да блядь!

Психую и выхожу на улицу. Снег валит прямо в лицо, но мне не холодно. Злость согревает. Пацаны откровенно борщат. Еще не хватало проблем.

— Парни, вы совсем охренели? Сбавьте обороты.

Подхожу к машине, которая теперь стоит в миллиметре от моего бампера. Это не машина, а консервная банка на колесах. Как она вообще еще ездит?

Я подхожу к водительской двери и заглядываю в окно. Внутри темно, но я все же различаю силуэт. Девчонка. Молодая. Не двигается, будто замерла на месте и не дышит. Мелкая такая, голову вжала в плечи и нахохлилась, как замерзший воробей. Смешная и, судя по всему, перепуганная эти-

ми придурками.

Стучу по стеклу и перехватываю затравленный взгляд девчонки.

— А ты, Воробушек, чего сидишь? Выходи. Поговорим по-взрослому, — говорит с усмешкой.

Она медленно открывает дверь и выходит. На секунду я замираю. Что за хрупкая птичка? Глаза огромные, в них ужас. Еще чуть-чуть — и она реально рухнет в снег. Вид у нее такой, словно мир готов раздавить ее прямо сейчас. Губы пересохшие, трясется, как будто только что из ледяной воды вылезла.

Злость от столкновения чуть притихает, но я сразу беру себя в руки. Не время для сантиментов. Еще и отец звонит каждые пять минут.

— Ты вообще понимаешь, что ты натворила? — говорю резко, стараясь не дать своему голосу звучать слишком жестко. Но внутри все еще кипит. — Ты знаешь, сколько стоит бампер моей машины? Или ты решила, что тут все бесплатно раздают?

— Я... я... — Воробушек пытается что-то сказать, но изо рта вырывается лишь слабое заикание.

— О, понятно, — хмыкаю я и говорю самое очевидное. — Что, платить нечем?

Резко мотает головой. Лицо у нее такое, словно готова провалиться под землю. Я вижу, как ее пальцы сжимаются в кулаки. Она явно пытается держаться, но плохо выходит.

Внутри меня что-то екает, но я тут же гашу это ощущение. Мне не нужна еще одна проблема на вечер.

— Я... я все отдам. Или... или могу отработать, — шепотом произносит испуганный Воробей.

Я не могу удержаться от смеха. Отработать? Девочка явно не понимает, в каком мире оказалась. Это даже не смешно — это жалко. А может, и интересно? Зацепила меня своим упрямством, только времени нет на эти игры.

— Отработать? Серьезно? — Я подхожу ближе и смотрю ей прямо в глаза. — Чем ты собралась отрабатывать, Воробушек? На тебя ни у одного мужика не встанет.

Она вздрагивает, но не отводит взгляда. Упрямство? Ну-ну.

Телефон снова вибрирует в кармане. Конечно, отец. Опять будет рассказывать про дисциплину и обязательства. Как же задолбал со своими лекциями! Я сдерживаю раздражение и беру трубку.

— Через десять минут буду, — бросаю в трубку и обрываю звонок. Взгляд снова падает на девчонку. Она дрожит, но уже смотрит мне прямо в глаза. В них все тот же страх, но и что-то еще. Что-то странное... — Ладно, я сегодня добрый, — хмыкаю я. — Мы торопимся. Будешь моей должницей

— Должницей? — переспрашивает она тихо, словно пробует слово на вкус.

— Именно. До встречи, Воробушек, — расплываюсь в ехидной ухмылке. — В следующий раз не отвертись.

Я разворачиваюсь и киваю парням.

— Я погнал.

Пахан усмехается и хлопает меня по плечу.

— Ну ты даешь, Тихир. Теперь у тебя должница. Дашь попользовать?

— Заткнись, — огрызаюсь я и иду к своей тачке. Теперь надо в сервис еще записаться. Не забыть бы.

Остальные с хохотом обсуждая случившееся, разбредаются по своим машинам. Вечер один хер испорчен. Куда интересно Раф запропастился?

Сажусь за руль и резко давлю на газ. Машина срывается с места, снег взлетает брызгами из-под колес. Фары освещают дорогу впереди, но взгляд все равно тянется в зеркало заднего вида.

Девчонка так и стоит на месте, растерянно глядя вслед моей машине. Темная фигура почти сливается с пургой, но глаза... эти чертовы глаза я вижу даже отсюда.

— Интересно, как долго она будет помнить эту ночь, — тихо говорю сам себе и отвожу взгляд от зеркала.

Глава 3 Тихомир

Паркуюсь перед рестораном рядом с тачкой Рафа. Оставляю басы и выхожу на улицу, где ждет друг. Со смешком толкаемся плечами. Сделал меня, чертила. Но только в этот раз.

Парни сигналият и пролетают мимо. У них свои дела. И только мне сегодня киснуть в этом заведении, исполняя родительскую волю. Чего только не сделаешь ради бабла.

— Ты надолго? — спрашивает Рафаэль и закуривает.

— Хер его знает, — раздраженно веду плечами. — Не жди. Если что я наберу.

— Добро, — толкает меня кулаком в грудь и скалится. — Приятного вечера.

— Да пошел ты, — клацаю зубами и разворачиваюсь.

Снег валит, холод пробирается под кожу, но я спокойно шагаю к ресторану.

Отец выбрал место со вкусом — шикарный фасад, охрана у дверей. Как всегда, все слишком официально и пафосно. Внутри все сверкает: люстры, полированные поверхности, зеркала. Атмосфера дорогая и холодная. Люди в костюмах и платьях смотрят на меня, как на бомжа, которого случайно пустили внутрь. Я чувствую на себе эти взгляды, но мне плевать. Пусть думают что хотят.

Да, я выгляжу как идиот в их глазах. Джинсы, футболка, кожаная куртка. Смотрят так, будто я сейчас вынесу из ре-

сторана столовые приборы в карманах.

Отец уже ждет за угловым столиком. Он всегда выбирает такие места, чтобы его сразу можно было увидеть. На лице привычная смесь раздражения и сдержанного высокомерия. Рядом с ним партнер — типичный деловой хищник, которому все равно, что у меня на уме, главное, чтобы сделка шла по плану.

Но вот девушка... Ее взгляд цепляет. Тонкий силуэт, изящные черты лица, но в глазах читается что-то хищное. Она не просто здесь для галочки. Она внимательно изучает меня с головы до ног и делает свои выводы. Отец встает навстречу.

— Ну, наконец-то. Позволь представить, это Сергей Викторович и его дочь Оксана.

Дочь? Как интересно. И даже становится понятно.

Сергей Викторович пожимает мне руку, а Оксана продолжает изучать меня взглядом. А я ее.

Ей, наверное, столько же лет, сколько и мне. Худая, стройная, в дорогом платье, которое, кажется, стоит больше, чем половина тачек в моем гараже. Но за этим внешним лоском скрывается что-то острое, как лезвие. Оксана знает, что она красива, и явно привыкла получать то, что хочет. Это читается в каждом ее движении. Типаж классический: уверенная в себе, точно знает, чего хочет. В ее взгляде читается вызов и интерес.

— Рад познакомиться, — автоматически выдаю я и ки-

ваю, не особо включаясь в происходящее.

— Присаживайся, Тихомир, — добавляет отец с легкой ноткой приказа в голосе.

Я не спорю, сажусь, широко расставив ноги, и сразу заказываю выпить. Откидываюсь на спинку кресла, скрещиваю руки на груди и оглядываю потолок. С улицы доносятся ба-сы — музыка долбит в машине. Я подстукиваю пальцами по столу в такт.

— Музыка твоя? — спрашивает Оксана, наклоня голову чуть вбок. Ее голос мягкий, но с легкой издевкой. Она словно проверяет, как далеко может зайти.

— Моя, — бросаю, не стараясь скрыть равнодушие. Меня такие игры не впечатляют. Она ждет, что я начну что-то объяснять или хвастаться? Не дождется.

— А чем ты занимаешься? — вклинивается в разговор Сергей Викторович.

— Учусь, — коротко отвечаю. — Финансы и управление.

— Почему именно там? — продолжает он.

Я усмехаюсь и скользким голосом язвлю:

— Так папа решил. Чтобы я был примерным сыном и следовал всем семейным традициям. Вот только это не моя мечта.

Отец замирает на мгновение, скрипит зубами. Я наслаждаюсь этим мгновением. Ненавижу, когда меня пытаются загнать в рамки.

— А сам ты чего хотел? — спрашивает Оксана, прищу-

рившись.

— Музыку писать и выступать с гитарой, — отвечаю прямо, без намеков. Пусть сразу поймет, что я не пай-мальчик. Отец резко смеется, как будто услышал анекдот года.

— Вот еще ерунда, — бросает он.

Оксана улыбается, но ее глаза вдруг начинают светиться особым интересом. Это не просто вежливость. Она словно оценивает товар на витрине. У нее, кажется, есть план, и я часть этого плана. Интерес, возможно, с примесью азарта. Такие, как она, не ждут, когда им предложат. Они сами берут, что хотят.

— Сыграешь мне как-нибудь? — спрашивает тихо, подаваясь вперед. Ее голос мягкий, но с ноткой кокетства.

Я усмехаюсь. Этот тип девушек мне давно понятен. И в целом приемлем. Жаркий секс без обязательств и ненужных соплей.

— Да хоть сейчас, — скалюсь я в ответ, проверяя ее на прочность. Обычно такие предложения ставят девушек в тупик. Но не ее.

— Поехали, — без колебаний отвечает Оксана с вызовом и поднимается. Никакого сомнения. Она готова прямо сейчас сорваться и поехать со мной, будто всю жизнь только этого ждала.

Я замечаю, как отец хмурится. Для него это явно выходит за рамки приличий. Но мне плевать. Я встаю, киваю Оксане и направляюсь к выходу. Она следует за мной, уверенная в

каждом шаге. Отец что-то бурчит под нос, но я уже не слушаю.

Интересно будет посмотреть, как далеко она готова зайти в своей игре.

Выходим на улицу, я щелкаю брелоком, снимая с тачки сигналку и сажусь на руль. Оксана явно ожидала большей галантности с моей стороны, но не дождется. Мне этот фарс не интересен.

Дожидаюсь пока она сядет на пассажирское сидение, перехватываю заинтересованный взгляд и срываю машину с места.

Глава 4 Илиана

Машины исчезают в ночи, их гулкие басы растворяются в снежной тишине. Я остаюсь одна на дороге. Одна в этом городе. Да и в целой вселенной тоже.

Грудь стягивает страх, и я понимаю, что практически не дышу. Разжимаю пальцы. Ладони вспотели, но тело пробирает ледяной озноб. Я в порядке? Я пытаюсь осознать, что только что произошло. Я жива. Это главное. Смотрю на свой бампер. Он на месте. Только фара треснула, но вроде светит.

Сесть за руль снова — это отдельная пытка. Темная трасса кажется мне теперь опасной западней. Руки дрожат, ноги ватные, но я не могу оставаться здесь. И машину Аллы Степановны бросить не могу тоже. Она же мне ее, как от сердца оторвала. Последняя память о ее покойном муже.

Закрываю дверь и поворачиваю ключ зажигания. Машина подхватывает с натужным скрежетом, как будто тоже сопротивляется. Я медленно трогаюсь с места, ссутулившись за рулем, уставшая и выжатая, но двигаюсь вперед.

Кажется, дорога растягивается на часы. Каждая фара встречных машин заставляет мое сердце вздрагивать. Но вот наконец впереди вырастает здание общежития. Я припарковываюсь, выключаю двигатель и несколько секунд просто сижу в темноте, стараясь успокоить дыхание.

Я добралась. Теперь только бы добраться до своей комна-

ты. Надеюсь, мне не забыли ее выделить. Ночевать в машине мне совсем не хочется. Подхватываю спортивную сумку и иду к зданию.

Общежитие встречает меня тяжелой, скрипучей дверью и запахом затхлого ковра. Комендантша, женщина средних лет с острым, как нож, взглядом, тут же останавливает меня у входа.

— Новенькая? — спрашивает строго, осматривает меня с головы до ног. — Документы есть?

— Да, вот, — быстро протягиваю ей свои бумаги. Она не торопится, долго их изучает, хмыкает и наконец кивает в сторону лестницы.

— Третий этаж, комната триста восемнадцать. Правила читай на стенде. Дисциплина у нас строгая.

— Поняла, спасибо, — подхватываю сумку и поднимаюсь по лестнице.

Комната небольшая. Все скромно: металлическая кровать, шкаф и стол. Пока я распаковываюсь, в коридоре слышатся голоса. Девчонки, видимо, уже знают о новенькой.

Через пару минут дверь открывается, и на пороге появляются три девушки. На вид все обеспеченные: дорогая одежда, ухоженные лица. Смотрят на меня, как на забавную зверушку.

— О, ты та, которая с грантом? — фыркает одна из них.
— Ну-ну, удачи.

Они смеются, бросают еще пару язвительных коммента-

риев и уходят, оставляя за собой шлейф высокомерия. Я чувствую, как внутри все сжимается, но стараюсь не подавать вида. Привыкла. Мне нужно быть сильной, чтобы выживать в этом жестоком мире.

Я опускаюсь на кровать, пытаюсь перевести дух, когда дверь снова открывается. На этот раз без смеха и злых подколов.

Входит девушка с собранными в высокий хвост волосами, в простой толстовке и джинсах. Она бросает на меня любопытный взгляд и с улыбкой говорит:

— Ты новенькая? Я Аня, твоя соседка.

— Илиана, — отвечаю я, немного расслабляясь.

— Слышала, ты на гранте? Уважуха, — кивает она. — Мало кому такое светит.

Не успеваю ответить, как за ее спиной появляется еще одна девушка. Ее лицо утопает в косметике, волосы уложены аккуратными локонами, на ногтях французский маникюр. Она явно старается выглядеть дороже, чем может себе позволить.

— Света, — представляется она и тут же добавляет: — Здесь свои порядки. Главное — не переходи дорогу тем, кто реально что-то решает.

— Ты о мажорах? — уточняю я.

— Ну да, — Аня закатывает глаза. — Особенно про девчонок. Они считают себя элитой. Хотя на самом деле...

— Ты тоже? — спрашиваю я у Светы.

Она пожимает плечами и отворачивается. По ее виду понятно: хочет быть частью их мира, но ее туда пока не пускают.

Аня, простая и приветливая, с готовностью помогает мне с заселением. Света не участвует, но все же поддерживает разговор.

— Тут, конечно, тяжело будет, — говорит Аня, присаживаясь на край кровати. — Мажоры местные считают себя королями.

— Особенно один, — добавляет Света с благоговейным трепетом. — Тихир. Все девчонки мечтают о его внимании.

— Тихир? — переспрашиваю я, чувствуя легкую волну недоумения. Имя какое-то странное. — Мне не до королей. Мне учиться надо.

Соседки переглядываются и кивают. Меня не интересуют парни. Надо получить диплом и вернуться в свой маленький город. Меня ждут, на меня возлагают большие надежды.

Ложимся спать ближе к полуночи. Я долго лежу в темноте, не в силах заснуть. Мысли скачут, сердце до сих пор гулко отбивает ритм. События последних часов прокручиваются перед глазами, как сломанная пленка.

Дорога. Свет фар, слепящий глаза. Огромные черные машины, обступившие меня. Смех, громкий, насмешливый. Темные глаза парня, сжимающие мой подбородок.

"Будешь моей должницей." — эхом отдается в ушах.

Я резко открываю глаза, раздраженно переворачиваюсь на

другой бок. Кровать предательски скрипит.

— Эй, новенькая, — ворчит сонно Света, шевелясь под одеялом. — Хватит ворочаться, дай поспать.

— Да, прости, — шепчу я, замирая. Закрываю глаза, пытаюсь заставить себя уснуть, но это не так просто. В груди все еще неприятно ноет, а тень сегодняшнего вечера не собирается отпустить.

Утром меня будит Аня, толкая в бок. Я едва успеваю застонать от усталости, как она уже шепчет:

— Вставай, если хочешь успеть в душ. Потом будет очередь, не протолкнешься.

Я с трудом приоткрываю глаза, ощущая, насколько разбито тело после вчерашнего. Но в душе искренне благодарна ей. Если бы не Аня, я бы точно влетела в толпу разъяренных девиц, которым не хватило времени.

Я быстро хватаю полотенце и халат, плетусь в душ. Горячая вода немного приводит меня в себя, смывает остатки тревоги.

Но как только выхожу в коридор, кутаясь в старый потрепанный халат, слышу тихие смешки.

— Господи, она это серьезно?

— Такой халат еще с девяностых остался?

Я вжимаю голову в плечи, но не успеваю ничего сказать, как рядом появляется Аня.

— Смотрите лучше за собой, а не за другими, — бросает она резко.

«Мажорки», как прозвала их я, лишь закатывают глаза, фыркают и уходят дальше. Света, стоявшая чуть в стороне, делает вид, что ничего не видела.

— Спасибо, — шепчу я Ане, когда мы заходим в комнату.

— Не обращай внимания. Они всегда так, — отмахивается она. — Главное — не давай им почувствовать, что они тебя достали.

Света только закатывает глаза.

— Пусть сама свое место в обществе найдет, — бормочет она и отворачивается.

Я не отвечаю. Меня и так ждет новый день.

Собираюсь и иду в институт вместе с Аней. Внутри все кипит от волнения. Надо просто найти деканат, а потом на пары не опоздать. Но на каждом шагу меня встречают колкости. Богатенькие девчонки смеются за спиной, шепчутся, выставя меня посмешищем.

Внутри все горит. Больно. Обидно. Гордость разрывает меня изнутри, но я не позволю им увидеть этого. Они смеются, потому что знают, что могут. Потому что для них я никто. Они надеются, что я сдамся, сломаюсь, опущу голову.

Но нет. Я сжимаю зубы, заставляю себя держаться. Я пришла сюда не для того, чтобы сбежать, когда стало тяжело. Я буду стоять до конца. Пусть смеются, пусть глумятся — я справлюсь. Я не позволю этому месту поглотить меня. Я не сломаюсь.

Аня покупает мне чай, провожает меня до нужного крыла

и уходит по делам. Остаюсь одна в административной части здания. Здесь тоже полно желающих высмеять мою внешность и одежду. Но я упрямо иду вперед, ища кабинет с нужной табличкой. Прижимаю к груди документы, а стаканчик зачем-то несу в руке.

В какой-то момент кто-то специально ставит мне подножку и толкает. Я запутываюсь в ногах, теряю равновесие и лечу вперед. Все документы, которые держала в руках, разлетаются в стороны, а стакан с чаем проливается прямо на чьи-то дорогие ботинки.

Смех вокруг громче всего остального. Я чувствую, как краснею. Оглядываюсь на парня, у чьих ног приземлилась, и встречаюсь с его взглядом. Его черные глаза светятся знакомым огнем.

Я застываю. Это он. Тот самый парень из джипа. Мой внутренний голос кричит: “Черт! Только не это!”

— Какая встреча, Воробушек, — тянет он лениво, уголки губ приподнимаются в насмешливой улыбке. — Это судьба.

Глава 5 Тихомир

Оксана закидывает ноги на панель машины и томно вздыхает:

— И далеко ты меня везешь?

— Высотка в центре, — бросаю я, не отрываясь от дороги.

— Скучно стало?

— Немного. Но надеюсь, что ночь будет интересной, — ее голос звучит с вызовом, и я краем глаза ловлю ее ухмылку.

И ухмыляюсь в ответ, предвкушая приятное развлечение.

Спустя полчаса мы подъезжаем к элитному комплексу, где я живу. Отец подарил мне квартиру сразу после того, как я поступил в институт на специальность, что он лоббировал. Приятный бонус за прогиб.

Оксана внимательно осматривает здание, будто оценивает, насколько оно ей подходит. Я открываю дверь подъезда, веду ее к лифту. Внутри она поправляет волосы перед зеркалом, пристально разглядывает свое отражение.

— И часто ты приводишь сюда девушек? — спрашивает с лукавым прищуром.

— Достаточно, чтобы не чувствовать себя одиноко, но не настолько, чтобы кого-то запомнить, — отвечаю я с ленивой улыбкой.

Она качает головой, но промолчать не может:

— Ты такой самодовольный, что это даже привлекательно.

— Спасибо, я стараюсь, — усмехаюсь и, когда двери лифта открываются, пропускаю ее вперед.

Моя квартира просторная, с панорамными окнами и минималистичной обстановкой. В углу гостиная плавно переходит в кухню, а возле стены стоят музыкальные инструменты: синтезатор, гитара, ударные.

Оксана бросает взгляд на них, идет ближе, проводит пальцами по клавишам синтезатора. Ее интерес не поддельный, но я знаю, что ей любопытнее не музыка, а я.

— И ты на всех играешь? — в ее голосе слышится неподдельный интерес.

Я пожимаю плечами, наливая вино в бокалы.

— У меня вообще много талантов, — хмыкаю, подавая ей один из бокалов.

Оксана усаживается на диван, делает глоток и пристально смотрит на меня.

— Что ж, Тихомир, — медленно тянет она. — Покажешь мне еще какой-нибудь твой талант?

Я ухмыляюсь, потому что прекрасно понимаю, к чему все идет. Оксана играет по правилам, которые она сама придумала, но я не привык уступать инициативу.

Она касается моей руки, слегка проводит ногтями по коже, наклоняется ближе. Я не тороплю события — мне нравится наблюдать за ее нетерпением. Она двигается так, будто все под контролем, но в какой-то момент теряет эту уверенность. Я заставляю ее забыть, кто здесь привык диктовать

правила. Горячие поцелуи, ее пальцы скользят по моей спине, дыхание сбивается. Подхватываю ее под ягодицы и несу в спальню. Здесь только мои правила и законы. И один я не нарушаю никогда — защита.

Достаю резинку и раскатываю по стоящему колом члену. Оксана следит за мной с вожделением. Вижу, как изнывает от желания и специально распаляю еще больше. А потом, трахаю ее жестко, грубо, по животному. Сливаю накопившиеся эмоции, гашу их в хриплых столах и рваных фрикциях. Оксана стонет, извиваясь змеей и умоляет не останавливаться. Но я даже не слышу ее. Сосредоточившись на своем удовольствии, стремительно приближаюсь к цели.

Когда все заканчивается, Оксана лениво вытягивается на простынях, проводя ногтями по моей груди.

— Ты совсем не тот, кем хочешь казаться, — говорит она хрипловато.

Я усмехаюсь, закуриваю. Оксана смотрит на меня, ожидая ответ, но я уже не здесь.

В голове всплывает лицо другой девчонки — той, что дрожала около машины, когда я сжимал пальцами ее подбородок. Воробушек.

Она была другой. Напуганной, но не сломленной. Я помню, как ее губы дрожали, но в глазах была решимость. Как будто она собиралась сражаться, даже если знала, что проигрывает.

— О чем задумался? — Оксана касается моей руки, но я

уже отворачиваюсь.

— Ни о чем, — бросаю коротко и тушу сигарету.

Мне не нравится, что я вспомнил ее именно сейчас.

— Я в душ. Составишь компанию? — вопросительно дергаю бровью. Кажется, минет может спасти ситуацию.

— С удовольствием, — мурлыкает Оксана, поднимается с кровати, и обнаженная идет в ванную, призывно виляя бедрами.

Будильник настойчиво трезвонит над ухом. Пора вставать. Мне в институт и пропустить никак нельзя. Именно сегодня.

Усилием воли заставляю себя встать, а Оксана лежит на спине, растянувшись на простынях, и лениво смотрит, как я собираюсь.

— В такую рань? — ворчит, приподняв голову. — Ты серьезно?

— Не могу пропускать, — отзываюсь я, натягивая джинсы.

— Останься, — ее голос становится мягче, но я лишь качаю головой.

— Нет. Будешь уходить, дверь захлопни, — бросаю через плечо.

Она закатывает глаза, недовольно фыркает, но не настаивает. Хотя вижу, что перспектива выбираться отсюда одной ее не радует.

Обычно я не оставляю никого в своей квартире, но вы-

кинуть дочь партнера отца — это тумач. Надеюсь, ей хватит мозгов свалить самой и не устраивать мне проблем. Хотя ночь получилась достаточно приятной. Возможно, я бы повторил когда-нибудь, но не больше.

Я закрываю за собой дверь, спускаюсь вниз. Раздражение тлеет внутри с самого утра, и его усиливает тот факт, что в институте меня тут же ловит декан.

— Тихомир, рад тебя видеть! — его голос пропитан по-добострастием.

Я смотрю на него холодно. Опять из-за отца.

— Что-то срочное? — спрашиваю без малейшего интереса.

— Нужно передать вашему отцу... лично, — улыбается он натянуто.

— Так передайте, — бурчу я, не желая в это вникать.

— Лучше, если это сделаете вы. Знаете, семейные вопросы...

Я закатываю глаза, забираю конверт и, не попрощавшись, резко выхожу из кабинета. Достала вся эта возня.

И врезаюсь в кого-то.

Горячая жидкость расплескивается по моим ботинкам.

— Блядь!

Я резко опускаю взгляд. Девчонка замерла передо мной на коленях, в руках разрозненная кипа бумаг. Новенькая что ли?

Вокруг кто-то уже ржет. Я смотрю на нее внимательнее и

сердце бьется быстрее. Черт, это же Воробушек!

Она поднимает голову, ее взгляд встречается с моим. Глаза у нее огромные, растерянные.

Я медленно ухмыляюсь:

— Какая встреча, Воробушек. — Тяну лениво, уголки губ приподнимаются в насмешливой улыбке. — Это судьба.

Она дергается, будто хочет исчезнуть прямо сейчас. Паника на секунду вспыхивает в глазах, но она быстро гасит ее, пряча эмоции за напряженным лицом. Я отмечаю этот момент. Умеет держаться. Забавно.

— Прости, — бормочет девчонка.

Я хмыкаю.

— Опять? Ну уж нет, Воробушек, лимит моей доброты исчерпан.

Кто-то из толпы давится смехом. Я чувствую взгляды, которые устремлены на нас. Им нравится шоу, а меня от него тошнит.

— И что мне теперь делать с этими ботинками? — спрашиваю я, медленно и нарочито осматривая их. — Может, хоть салфетку предложишь?

В толпе смеются еще громче. Воробушек стискивает зубы, но ничего не говорит. Пытается собрать бумажки с пола, двигаясь быстро, будто от этого зависит ее жизнь.

— Торопишься? — продолжаю я с ленивой усмешкой. — Не бойся, Воробушек, я тебя пока не съем.

Она бросает на меня взгляд снизу вверх, злой, но молча-

ливый. Мне даже интересно, как долго она выдержит.

— Эй, Тихомир, ты слишком строг к бедной девочке, — кто-то из моих знакомых поддакивает, но со смешком. — Может, дашь ей шанс исправиться?

Я делаю вид, что задумываюсь и усмехаюсь.

— Отличная идея! — присаживаюсь на корточки, чтобы поймать упрямый взгляд этой девчонки. — Давай так, Воробушек. Ты принесешь мне кофе завтра с утра, и, возможно, я прощу тебя. А если нет... ну, тогда придумаем что-то поинтереснее.

Моя улыбка становится провокационной. Воробушек молчит, опустив голову. Глаза ее горят, но она продолжает терпеть. Я встаю и смотрю на нее сверху вниз.

— Ладно, не грусти, — тяну я, отступая на шаг. — Увидимся завтра утром, должница.

Глава 6 Илиана

Сжимаю зубы, пока собираю разбросанные по полу бумаги. Пальцы дрожат, но не от холода, а от ярости. Этот подонок. Этот чертов мажор.

— Гляньте, наша новая золушка, — фыркает кто-то.

— Может, ей еще ведро для уборки выдать? — подхватывает другая, и их смех сливается в общий хор.

Я вжимаю голову в плечи, стараясь дышать ровно. Не обращать внимания. Просто подобрать бумаги и уйти. Смех вокруг не утихает, и я чувствую, как щеки пылают от стыда и негодования. Нелюди. Уроды моральные!

— Давай помогу, — слышу вдруг мужской голос.

Парень с коротко стриженными волосами присаживается рядом, подбирая несколько листов и протягивая мне. Он высокий, крепкий, с уверенным взглядом.

— Янис, — представляется он спокойно. — Недавно перевелся сюда, так что пока не в курсе всех местных порядков, но, похоже, здесь любят устраивать цирк.

Я осторожно принимаю бумаги, удивленная его простотой.

— Илиана, — тихо отвечаю, смущенно сглатывая. Значит, не все здесь идиоты. Есть и нормальные.

— Спасибо, — шепчу я.

— Да без проблем. Эти курицы могут смеяться сколько

угодно, не бери в голову, — он кивает в сторону девчонок, которые продолжают перешептываться. — Они любят строить из себя элиту.

Я выдавливаю тусклую улыбку, но внутри до сих пор все кипит. Все равно благодарна, что хоть кто-то не считает меня пустым местом.

После того как мне удастся привести бумаги в порядок, я спешу в деканат. Должна отдать документы, пока не забыла, иначе будет еще одна причина для нападок. В коридорелюдно, но мне удастся протиснуться в кабинет. Секретарша недовольно поднимает голову, но, увидев папку в моих руках, кивает на свободный стол.

— Оставьте здесь.

— Спасибо, — выдыхаю я и быстро направляюсь к выходу.

Как только оказываюсь в коридоре, замечаю Аню. Она стоит, скрестив руки на груди, и сразу направляется ко мне.

— Все нормально? — спрашивает она, оценивающе меня оглядывая. — Мне рассказали про сцену в холле. Я думала, ты сбежишь отсюда навсегда.

— Мне еще рано сдаваться, — бурчу я, расправляя плечи. — Пойдем на пару.

— Не слушай их. Они просто стая шакалов. Им только дай повод.

Я киваю, но внутри все равно жжет.

В аудитории преподаватель уже начал лекцию. Я стараюсь

не привлекать внимания, но он тут же замечает меня.

— Ах, наша новенькая. Илиана, верно? — его голос звучит дружелюбно, но мне от этого не легче.

— Да, — отвечаю тихо, опускаясь на свое место.

— Как хорошо, что вы вовремя. Тогда скажите мне, каков основной принцип финансового управления при инвестиционном анализе?

Я моргаю, но тут же вспоминаю учебники, которые штудировала до поздней ночи. Это же элементарно.

— Оптимизация ресурсов с учетом рентабельности и риска, — четко отвечаю.

Преподаватель одобрительно кивает:

— Отлично. А какие основные методы оценки инвестиционного проекта?

— Метод чистой приведенной стоимости, индекс рентабельности, внутренняя норма доходности и срок окупаемости, — без запинки выдаю я.

Преподаватель улыбается:

— Вижу, вы серьезно подошли к учебному процессу. Похвально.

За моей спиной раздается шепот, а затем приглушенный смешок:

— Фу, заучка.

— Ага, зубрила.

— Думает, что если ее по головке погладили, то теперь особенная.

Я сжимаю кулаки под столом, но не поворачиваюсь. Они могут смеяться сколько угодно. Я сюда не за их дружбой пришла.

После лекции мы с Аней идем в столовую. Очередь длинная, но Аня уверенно прокладывает путь вперед. Вокру шум, звон посуды, кто-то громко спорит о результатах недавнего теста.

— Держись ближе, а то останешься без еды, — говорит Аня, пробираясь к раздаче.

Я следую за ней, не совсем понимая, почему именно пирожки она выбирает первой. Но через минуту она уже держит два горячих, золотистых пирожка и два стакана чая. Один протягивает мне.

— Держи.

— Спасибо, — я принимаю угощение, чувствуя, как внутри что-то теплое разливается. Не столько от горячего пирожка, сколько от того, что кто-то подумал обо мне. — Я тебе отдам, только надо снять деньги в банкомате.

Аня пожимает плечами.

— Не парься.

— Почему на тебя никто так не нападает? — спрашиваю я, сделав осторожный глоток чая.

Аня усмехается и опирается спиной на одну из колон. Найти свободный столик в такой толкучке нереально.

— С моим отцом никто не захочет связываться.

— Но ты же не мажорка? — с сомнением интересуюсь я.

— Нет, — качает она головой и чуть загадочно продолжает. — Мой отец не олигарх, но достаточно влиятельный.

Аня отвечает уклончиво, и я понимаю, что копать дальше не стоит. Но, прежде чем я успеваю спросить что-то еще, за спиной раздаётся довольный, до зубного скрежета знакомый смех. Мурашки пробегают по спине. Я даже не оборачиваюсь, чтобы понять, кто это.

— Вот только их не хватало, — фыркает Аня. — Пойдем отсюда, пока нас не заметили.

Я не привыкла бегать от трудностей, но сейчас, вопреки привычке, предпочитаю послушаться. Мы уже разворачиваемся, когда голос звучит совсем близко.

— Эй, Воробушек.

Я пытаюсь сделать вид, что не слышу, но не успеваю. Тихомир вырастает передо мной, словно из воздуха. Едва не врезаюсь в него, что удивительно, с моей координацией.

— Далеко собралась? — Тихомир лениво усмехается, как кот, играющий с мышью.

— От тебя подальше, — огрызаюсь я, но он только шире ухмыляется.

— Напра-асно, — тянет, медленно протягивая руку, будто хочет убрать выбившийся локон мне за ухо.

Его пальцы почти касаются моей кожи, и у меня по всему телу пробегают мурашки. Черт, мне это не нравится. Вернее, нравится — но не должно. Внутри все сжимается от непонятного трепета, который я не могу объяснить. Меня раздра-

жает этот эффект, который он на меня производит.

Я едва не клацаю зубами, отшатываясь назад.

— Не трогай меня.

Тихомир приподнимает бровь, но тут же смеется.

— Ух, как страшно. Какая забавная птичка.

— Я не птичка! Не смей меня так называть! У меня имя есть!

— Есть, — беззаботно кивает он. — Воробушек.

Меня едва не трясет от раздражения, но еще больше бесит то, что его близость как-то странно волнует меня. Я сжимаю кулаки, не позволяя себе отшатнуться снова, но и не давая себе поддаться этой странности.

Тихомир замечает мою реакцию, и от этого в его глазах вспыхивает искра торжества. Чертов мажор. Он играет со мной, и я это понимаю. Затем чуть склонив голову набок, с неприкрытой ленцой в голосе сообщает:

— Я передумал. Со мной пойдешь за стол.

Улыбка на его лице становится шире. И почему-то я понимаю, что просто так уйти уже не получится.

Глава 7 Тихомир

Воробушек бесит. Не потому, что тупая или надоедливая, а потому что...

Черт.

Потому что я слишком часто ловлю себя на том, что слежу за ней взглядом. Как она упрямо выпрямляется, когда ей хотят наступить на горло. Как стискивает зубы, но не опускает голову. Как ее глаза вспыхивают злостью, когда я специально вывожу ее из себя. Она цепляет меня. И это сильно раздражает.

Вот и сейчас. Она могла бы просто уйти. Но нет. Вместо этого смотрит на меня так, будто я ее личный демон.

— Я передумал, — лениво произношу я. — Со мной пойдешь за стол.

Ее глаза вспыхивают возмущением, но, черт возьми, мне даже нравится это пламя. Мне нравится, как она сжимает кулаки, будто готова ударить. Вот только я знаю, что не ударит. Не здесь, не сейчас. Хотя мне бы даже понравилось проверить ее предел.

Злится. Черт, как же мне нравится доводить ее.

— Не хочу.

— Придется, Воробушек. Ты мне должна, помнишь? — ухмыляюсь я, подталкивая ее вперед.

Рядом с ней топчется подруга. Охранный щит, видимо.

Плечи расправлены, взгляд твердый. Я ее помню. Ее отец то ли прокурор, то ли еще кто-то из высокопоставленных. Капитанская дочка.

— Она никуда с тобой не пойдет, — спокойно говорит Аня, но в последний момент добавляет. — Одна...

Я закатываю глаза.

— Да на здоровье. Хоть всех своих тащите, мне плевать.

В итоге за наш стол садится не только Воробушек, но и ее верная спутница. Компания смотрит на меня, как на идиота. Особенно девчонки.

— Тихир, ну зачем ты так? — морщится Вероника, поправляя идеальные локоны. — Зачем нам этот сброд?

— Может, им надо отдельный стол, где подают воду из-под крана? — хихикает другая.

— Или хлебные корки? Ты же на гранте, да? Привыкла скромно жить?

Улавливаю агрессию, исходящую от Воробушка, и стискиваю зубы. Это моя игрушка, и только я имею право ее дразнить. Резко бросаю взгляд на сидящих напротив, и на мгновение за столом воцаряется напряженная тишина.

— Рты закрыли, — лениво бросаю я, не меняя выражения лица.

— Чего? — уточняет одна из них, нахально выгибая бровь.

— Я сказал, заткнись, — рывкаю на нее, явственно намекая на то, что спорить со мной не стоит.

— Зачем они здесь? — спрашивает Рафаэль, внимательно рассматривая Илиану и Аню.

Я лениво наклоняюсь вперед, пожимаю плечами.

— Кто-то же должен нам прислуживать, — спокойно отвечаю, отпивая из своего стакана.

Воробушек тут же вспыхивает, ее глаза сверкают яростью.

— Ты...

— Я? — приподнимаю брови, ожидая взрыва. Она, кажется, вот-вот лопнет. Но я придвигаю поднос к ней, чтобы сходила мне за едой.

— Сам себе можешь прислуживать! — рявкает, резко толкая поднос от себя.

Компания громко смеется, а я внимательно слежу за своей птичкой. Ее порыв сбежать слишком явный. Плечи напряжены, но она держится, не позволяя себе сорваться. Не хочу отпускать. Мне нравится наблюдать за ней.

— Ты куда? — лениво спрашиваю, приподнимая бровь.
— Ты мне должна, Воробушек.

Мой голос звучит тихо и вкрадчиво, наклоняясь ближе, и замечаю, как плечи Илианы напрягаются. Она чувствует мою близость, это видно по тому, как ее дыхание на секунду сбивается. Меня это забавляет. Даже больше, чем должно.

— Пока я не решу, что мы квиты, будешь отрабатывать, — добавляю насмешливо и осторожно втягиваю воздух.

Она пахнет чем-то легким, цветочным, не резким, но достаточно отчетливым, чтобы я это заметил. Этот запах цеп-

ляется за мои мысли, будоражит рецепторы и оседает внутри. Я чувствую себя наркоманом, которому раз дали попробовать, и теперь он боится снова втянуться.

Глупо. Очень глупо.

Воробушек скрипит зубами. Я наслаждаюсь моментом. Бесить ее, выводить из себя — мое новое любимое развлечение. Она несколько раз пытается встать, но я каждый раз ловлю ее взглядом и просто жду. Не касаюсь, не удерживаю силой, но ей этого и не нужно. Она сама замирает, будто что-то внутри нее не позволяет сделать этот шаг. Мы играем в странную игру, и пока что выигрываю я.

Мне звонит Оксана. Я закатываю глаза. Боже, сколько можно? Мы уже все обсудили. Никаких встреч. Нажимаю сброс. Неинтересно.

— Нам надо идти, — мямлит моя бойкая птичка. — Пара скоро начнется.

Девушки фыркают и первыми выходят из-за стола. Аня тоже поднимается и тянет за собой Воробушка.

— Я тебя не отпускал, — расплываюсь в ухмылке и откидываюсь на спинку стула. Парни невозмутимо пьют кофе и с интересом наблюдают за ситуацией.

— Тихир, отпусти девушку, — раздается из-за спины знакомый голос, от которого мгновенно сводит скулы, а мышцы наливаются свинцом. Янис...

— Чего? — нехотя поднимаю взгляд и смотрю в глаза. — Ты охренел что ли?

— Девушку отпусти, она хочет уйти. Так ведь, Илиана?
— он переводит взгляд на нее.

Воробушек молчит несколько секунд, но потом все же кивает. Мое раздражение тут же разгоняется до предела. Какого хера она вытворяет?

— С тобой что ли? — бросаю я с издевкой.

— А если и со мной? То что? — Янис не отводит взгляда.

— А хрен тебе. Она моя должница и останется сидеть здесь. Со мной.

Слышу, как Воробушек судорожно вздыхает.

Напряжение между нами нарастает. Янис стоит спокойно, но в его взгляде читается вызов. Я чувствую, как сжимаются пальцы в кулаки.

— Перестань выпендриваться, Тихир. Она не вещь, чтобы ты ее удерживал, — спокойно говорит он.

— Брось, ты что, рыцарь теперь? — ухмыляюсь я, поднимаясь на ноги.

Янис смотрит на меня, и в его взгляде нет ни грамма страха.

— Почему бы и нет? — ухмыляется он. Гаденько так, провокационно.

Цепляет. Умышленно. А я, как баран, ведусь.

Черт.

Злость во мне вспыхивает мгновенно. Все, что накапливалось, все, что раздражало, выходит наружу с бешеной силой.

И через секунду я бью первым.

Удар приходит четко в челюсть, но Янис не падает. Он быстро перехватывает инициативу, и вскоре мы оба валимся на стол. Все гремит, люди вскрикивают, кто-то пытается нас разнять, но я уже не слышу. Мне нужно выплеснуть злость.

Янис тоже не промах. Он бьет четко, и я чувствую, как губа начинает саднить. Но мне плевать. Потому что пока я снова не потерял контроль, в голове почему-то мелькает образ одной маленькой упрямой девчонки. Вот же ж черт.

Мы продолжаем, пока нас не растаскивают парни.

— Хорош, вы че устроили? — шипит Раф.

Кровь на моей губе. Фингал под глазом у Яниса.

И в этом хаосе, пока меня удерживают за плечи, я снова чувствую этот гребаный цветочный аромат. Воробушек где-то рядом. Я не вижу ее, но знаю, что она здесь, смотрит. И от этого внутри все сжимается еще сильнее.

Я выдыхаю, пытаюсь успокоиться, но злость не уходит.

Грозный голос про

— Что здесь происходит?! — грозный женский голос проносится по столовой.

Все замирают.

Я поднимаю голову и вижу проректора, которая сверлит нас ледяным взглядом. Вот и приехали.

Глава 8 Илиана

В столовой стоит оглушающая тишина. Я видела драки и раньше. В интернате это было обычным делом — пацаны дрались за место в иерархии, за еду, за сигареты. Иногда просто от скуки. Это не новость для меня, не повод испугаться.

Но сейчас все по-другому.

Эти двое сцепились на ровном месте, и я понять не могу, зачем? Шумные разговоры, смех, звон посуды — все исчезло. Остались только они двое.

Тихомир и Янис.

Они стоят напротив друг друга, тяжело дышат, кулаки сжаты. В воздухе летают искры, будто вот-вот разразится буря. Янис молчит, только дышит глубоко, пытаясь держать себя в руках.

— Чего ты добиваешься, а? — он наконец нарушает молчание, голос его глух и пропитан раздражением. — Думаешь, ты тут царь и бог?

Тихомир усмехается, проводит пальцем по подбородку, размазывая кровь, и лениво ухмыляется:

— А что, ты сомневаешься?

Янис сжимает челюсти, и на секунду мне кажется, что он снова ударит. Напряжение между ними осязаемое, как грозовой разряд перед бурей.

— Ты не изменился, — шепчет Янис, не отводя взгляда.

— Все тот же самодовольный мудака, который считает, что ему все с рук сойдет.

— А ты все такой же скучный и предсказуемый, — парирует Тихомир, откровенно наслаждаясь каждым словом. — До сих пор считаешь, что можешь кому-то что-то доказать?

Я не понимаю, что между ними, но это явно не началось сегодня. Что-то было раньше, что-то тлеет между ними, и эта драка — лишь очередной виток их ненависти друг к другу. У Тихомира губа рассечена, кровь медленно стекает по подбородку, но он все равно ухмыляется, будто ему чертовски весело. У Яниса синяк под глазом уже начинает проступать. Он вытирает костяшками губы, коротко бросает взгляд на меня.

Я не знаю, что делать. Внутри все сжалось.

— Что здесь происходит?! — громкий, холодный голос разрезает тишину, и я вздрагиваю.

Все вокруг резко садятся, делают вид, что ничего не было. Но было.

— Так, в кабинет. Все трое. Немедленно. — проректор Роговская Людмила Семеновна смотрит на нас с прищуром. Она — ледяная стена. Никаких эмоций, кроме раздражения.

Я хочу возразить, сказать, что мне там делать нечего, но Тихомир бросает на меня взгляд. Ждет. Его взгляд скользит по мне с ленивым вызовом, в глазах читается: «Сдашь?»

И я опускаю голову. Я не стукачка.

Кабинет Роговской давит на меня своими серыми стенами

и шкафами, забытыми папками. Воздух в комнате тяжелый, напряжение висит в воздухе. Сердце стучит слишком быстро, ладони вспотели, но я не подаю виду. Если меня выгонят... Черт, не хочу об этом думать.

Я сижу на одном из стульев, за мной два парня. Они не сказали ни слова за всю дорогу, но я чувствую их взгляды.

— Так, — голос Людмилы Семеновны звучит резко, требовательно. — Илиана, объясните мне, что произошло? Не вздумайте мне тут юлить, иначе я лично поговорю с ректором о вашем отчислении.

Меня прошибает холодный пот. С ректором? Я с таким трудом получила этот грант, и теперь... Теперь что? Все может полететь к чертям из-за их драки?

— Я не знаю... — голос срывается. Я сглатываю, но продолжаю. — Они не поделили что-то... наверное...

Роговская смотрит на меня долго, изучающе. Я знаю, что она понимает — я не договариваю. Но и правду никто не скажет.

— И что же не поделили? — ее голос становится мягче, но от этого еще страшнее.

Я снова молчу. Нет. Я не скажу. Иначе перестану себя уважать.

— О, ну конечно, новенькая ничего не знает, — вдруг лениво тянет Тихомир, откидываясь на спинку стула. — Я ее вообще второй раз в жизни вижу. Просто проходила мимо.

Я моргаю. Что?

— Правда, — неожиданно кивает Янис. — Она только недавно перевелась, какое ей дело до нас?

Они что, оба выгораживают меня? Не верю своим ушам и растерянно хлопаю ресницами.

— Воробушек умеет хранить секреты, — лениво тянет Тихомир, откидываясь на спинку стула. — Это похвально.

Янис резко дергает головой в его сторону, как будто сейчас сам не сдержится.

— Ты даже сейчас шутишь? — его голос звучит напряженно. — Тебе вообще хоть что-то в этой жизни важно?

Тихомир пожимает плечами, небрежно поправляя рукав рубашки.

— Конечно. Свобода, например. И знаешь, что самое смешное? — он медленно переводит взгляд на Яниса. — Ты всегда считал себя лучше меня, но каждый раз ведешься, как наивный идиот.

Глаза Яниса темнеют, и он делает едва заметное движение вперед, но завуч Роговская отрывается от своих бумаг и бросает на них взгляд, полный ледяного предупреждения.

— Хватит, — коротко говорит она.

Янис глубоко вдыхает, будто сдерживая слова, которые готовы сорваться с губ, но потом резко отворачивается.

Я сжимаю кулаки и втягиваю голову в плечи. Чувствую себя между двух опасных огней. Это пугает не меньше, чем возможное отчисление.

Янис коротко хмурится, явно недоволен моим ответом.

— Тихомир, — завуч резко переключает внимание. — Ваша фамилия мне уже надоела. Вам не кажется, что вы слишком много берете на себя?

— Я ничего не брал, — пожимает плечами он. — Даже новую девочку рассмотреть не успел, а на меня уже набросились.

Я вспыхиваю. Какой же он...

— Тих, заткнись, — глухо говорит Янис.

— Ой, не нервничай, спортсмен, — усмехается Тихомир. — Фингал тебе идет. Брутальности добавляет.

Янис делает короткий вдох, но на этот раз не ведется.

Роговская медлит, скрестив руки на груди. Но все же тяжело выдыхает:

— Ладно, Илиана, можешь идти. Но если я узнаю, что ты что-то скрыла... вылетишь отсюда, как пробка.

Я резко встаю, кивая.

— Не скрыла. Спасибо.

Я не оглядываюсь. Просто выхожу. Но спиной чувствую, как за мной смотрят два человека. И вот только не знаю, кто из них больше пугает.

Выбегаю из кабинета, но вместо облегчения внутри пустота. Сердце все еще стучит слишком быстро, но мне нужно взять себя в руки. Лекция. Главное — успеть.

Бегу по коридору, нервно сверяясь с расписанием на телефоне. Он, как специально, глючит сильнее, чем обычно. Где эта гребаная аудитория? Голова гудит от перенапряжения,

мысли путаются, но я не могу позволить себе задержаться. Наконец, нахожу нужную дверь и глубоко выдыхаю, прежде чем войти.

Стоит мне переступить порог, как шумный гул в аудитории стихает. Резко. Все студенты поворачиваются в мою сторону.

Я ощущаю на себе десятки взглядов. Слишком длинные, слишком пристальные. Кто-то хихикает, кто-то перешептывается. Вероятно, информация о недавней драке уже разлетелась, как стихийное бедствие. И теперь меня все осуждают. Девушки в дорогих свитерах медленно оглядывают меня с ног до головы, ухмыляются и что-то говорят друг другу на ухо.

Господи, пусть меня проглотит земля. Лишь бы не видеть всего этого кошмара.

Я пытаюсь игнорировать их, но краснею до ушей. Все внутри сжимается. Я чувствую себя так, словно снова оказалась в интернате, где стою перед теми, кто всегда был сильнее. Им даже не нужно говорить вслух — я уже чувствую их презрение.

С трудом делая шаг, я направляюсь к свободному месту. Рядом с Аней. В груди комом застряли и злость, и унижение. Но мне плевать. Я сюда не за их одобрением пришла.

Глава 9 Тихомир

Роговская еще долго нудит, но я не слушаю. В голове и без нее шумит, губа саднит, и настроение окончательно скатывается в ноль. Янис рядом — напряженный, молчит, как всегда. Не потому, что не может высказаться, а потому что боится, что сорвется.

И правильно делает. Потому что, если сорвется — я пойду до конца.

Все слишком давно накалилось между нами. Не с этого дня началось. Но после того, как Ян перевелся в мой институт, просто заиграло новыми красками.

Я откидываюсь на спинку стула, скрещивая руки на груди. Он сидит поодаль, но я чувствую на себе его взгляд. Коллющий, давящий, уничтожающий. Не глядя показываю фак и усмехаюсь.

— Думаешь, снова прокатит? — вдруг бросает Янис.

Я поворачиваю голову чуть в сторону, с ленцой.

— Снова? — дергаю уголком губ. — Слушай, ты застрял в прошлом. Там, где все было по-честному, по понятиям, с благородством. Но жизнь — это не Лика. Она не ждет, пока ты всех спасешь.

Янис замирает. Знаю, что попал точно в цель. Но он сам подставил подбородок.

— Ты не достоин даже произносить ее имя, — сквозь зу-

бы.

Я отвожу взгляд. Знал, что ему будет больно. Но он сам виноват.

Ли́ка. Не мой позор и не мое предательство. Но кто же теперь поверит в это, если ярлык уже повешен?

Янис думает, что я растоптал чью-то судьбу. А по факту — она сбежала туда, где хотела быть. За границу. Сильно страдала, ага.

Как же задолбало это все. Я встаю.

— Можно нас отпустить? — лениво бросаю Роговской.

Она кидает на нас тяжелый, изматывающий взгляд.

— Еще один инцидент — и лично вызову вашего отца, Тихомир. И вас, Янис, тоже это касается.

— Пря́м соскучился по его нравоучениям, — бормочу себе под нос и снисходительно закатываю глаза.

Мы оба направляемся к выходу, но в дверях Янис резко разворачивается и толкает меня плечом. Жестко, резко, болезненно.

— Решил снова поиграть с чужой жизнью? — шепчет он зло, почти сквозь зубы. — Отстань от Илианы.

Я поднимаю на него взгляд и усмехаюсь:

— Ты как всегда все понял по-своему. Прямо как тогда.

Его глаза темнеют, пальцы сжимаются в кулаки, но он отворачивается и уходит первым, оставляя за собой напряжение, будто после грозы. Я выдыхаю. Слишком все близко. Слишком остро. Бесит!

Аудитория, в которой следующая пара, на третьем этаже. Иду медленно, стараясь прийти в норму. За спиной слышу шаги Яниса — он идет в другую сторону.

И слава богу. Он на другом курсе. Зачем ему управленка?

Подхожу к двери аудитории и слышу тихий гул голосов внутри. Захожу и бегло оцениваю обстановку.

Воробушек сидит на втором ряду, сжалась вся, как будто хочет исчезнуть. Рядом — эта девчонка, Аня. Поддержка, верная тень. Но сейчас даже она не может прикрыть ее от взглядов.

— Какая овца, — шепчет кто-то.

— Устроила разборки.

— Просто решила стать новой любимицей, — фыркает мажорка с розовыми ногтями.

Внутри нарастает злость, от того, что эти овцы глумятся. Слышно все, даже если они делают вид, что шепчут.

Рафаэль с Пашей сидят ближе к последнему ряду. Я ловлю их голоса.

— Смотри, наш Тихир опять решил спасти Золушку, — хохочет Паша.

— Не, он просто нашел себе новую игрушку. Старая, видать, надоела, — усмехается Рафаэль, приподнимая бровь.

Скольжу по их довольным физиономиям взглядом. Рафаэль хмыкает, но не отворачивается. Всегда говорит, что думает. Паша наоборот — в глаза улыбается, за спиной может нагадить.

— Заткнитесь, — бросаю я им, почти не повышая голос. Они замолкают. Раф усмехается, а Паша резко утыкается в телефон.

Воробушка продолжают жрать все вокруг и меня это раздражает.

Решительно обхожу ряды, но иду не к парням, а сажусь прямо за ней.

Илиана вздрагивает. Плечи напрягаются, дыхание сбивается. Чувствую это на каком-то ментальном уровне. Но не могу сдержаться от колких замечаний.

— Смотрю, ты уже стала звездой, Воробушек, — шепчу ей, наклоняясь ближе.

Она дергается, но не оборачивается.

— Ты наслаждаешься этим вниманием? — спрашиваю я, голос неожиданно становится хриплым от злости, но я сам не понимаю — на кого именно злюсь.

— Ты больной, — шепчет она. Глухо. Без истерики. Спокойно.

Почему-то это задевает сильнее, чем если бы она закатила сцену.

Я откидываюсь назад. Аня резко оборачивается, сверлит меня взглядом. Но я просто улыбаюсь ей.

— Успокойся, я ничего не делаю, — говорю вслух, чтобы все услышали. — Разве не прекрасно, когда такие разные люди могут учиться вместе?

Смех в зале. Злобный, липкий. Я вижу, как Воробушек

сжалась еще сильнее. Но никто больше не осмеливается сказать ничего ей в лицо. Потому что я рядом.

И не позволю.

Хотя сам до конца не понимаю, зачем мне это все.

Препоод прерывает свой рассказ и ловит мой взгляд.

— Тихомир, вы желаете продолжить лекцию вместо меня?

— Да запросто, — довольно ухмыляюсь я. — Но вряд ли вам понравится.

Все вновь начинают ржать, а Воробушек украдкой бросает на меня негодующий взгляд. Смешная такая...

После пары я почти сразу направляюсь к выходу, но на лестничной площадке меня догоняет Лера — одна из тех, что вечно крутятся возле наших столов. Тонкая, в обтягивающих джинсах, с глянцевой помадой и глазами, полными самых жирных намеков.

— Тих, прокатишь? — томно улыбается, прикусывая губу.

Я вскидываю бровь. Не хочу, если честно. Но и не возражаю. Быстрый перепах — вполне в духе моего вечера.

— Погнали, — коротко киваю ей.

Мы выходим вместе, и она почти сразу прижимается ко мне на парковке, лезет под куртку, смеется и шепчет, что давно об этом мечтала. Я открываю тачку и сажусь, не торопясь. Она забирается сверху, перебирая пальцами мой воротник. И в этот момент я бросаю взгляд в сторону входа в корпус.

Илиана стоит на ступеньках. Одна. Замерла.

Наши взгляды встречаются. В ее глазах — обида, разочарование и... что-то еще. Она вспыхивает, резко отворачивается и уходит.

Я усмехаюсь.

— У нас зрители, — кидаю Лере, а она даже не слушает, продолжает тереться щекой о мою шею.

Глава 10 Илиана

Я швыряю потрепанный рюкзак на кровать и резко сажусь рядом, спрятав лицо в ладонях. В голове шумит, в груди жжет. Как будто на бегу влетела в бетонную стену.

Он. И эта. Прямо в машине.

Меня едва не выворачивает наизнанку

Перед глазами снова всплывает картинка: его руки на ее заднице, ее губы, его смех, когда наши взгляды встретились. А я, как дура, стояла, вросшая в ступени, с пылающим лицом.

— Что случилось? — Аня садится на соседнюю кровать, склонив голову набок.

— Ничего, — бурчу я, не поднимая глаз. — Просто... день тяжелый.

— Еще бы, после такого, — хмыкает она.

Я резко поднимаю голову:

— Ты видела?

Она снисходительно закатывает глаза.

— Полуниверситета видело, Иль. — Аня тихо смеется. — Тихир любит проворачивать такое. На грани фола. Тем более, что ему за это ничего не будет.

— На грани? — возмущаюсь я. — Ну знаешь, у нас это называется...

— На грани, потому что продолжения не было, — терпе-

ливо поясняет подруга. — Он уехал, а Лерка осталась ни с чем. Так ей и надо, — хихикает она. — Но давай честно, тебя-то почему так зацепило?

Я молчу. Потому что не знаю, как ответить. Меня и правда задевает. Почему? Что он мне сделал? Кроме унижения, кроме этих насмешек, кроме... всего?

— Забей, — говорю через силу. — Все нормально. Я справлюсь.

Слово за слово, и тишина в комнате растягивается. Я изношенные ботинки и придирчиво рассматриваю. Один — с трещиной по подошве. На втором немного разошелся шов. Надо немного подлатать и сезон доходить хватит. Я хмурюсь, достаю супер-клей и прикидываю, как заклеить, чтобы не стало еще хуже.

Аня замечает и цокает языком:

— Ты серьезно?

— А у меня нет выбора, — тихо отвечаю я. — Просто нужно дотянуть до стипендии.

Она у меня должна быть повышенная. При условии успешно сданной сессии.

— Или найти подработку, — мягко предлагает она. — Я, кстати, в кафе здесь недалеко работаю. Там не супер, конечно, но платят исправно. А еще чаевые. Хочешь, спрошу у начальника? Вдруг кого-то еще ищут.

Я с удивлением смотрю на нее. А так можно было?

— Правда?

— Конечно. Ты же не из тех, кто боится работы? Думаю, справишься.

— Спасибо... — я чувствую, как где-то внутри теплеет.

Честно. Оттого, что хоть кто-то здесь рядом не хочет меня растоптать.

— Только предупреждаю, — Аня улыбается. — Там форма дурацкая. Зато чаевые иногда норм.

Я смеюсь. Первый раз за день.

— Мне подойдет даже самая дурацкая форма. Лишь бы не сидеть в общаге и не думать о... — я замолкаю. О нем.

— Том, где достать деньги.

— Тогда сегодня вечером и спрошу.

— Договорились

Вскоре после этого она собирается на смену в кафе. Переодевается, собирает волосы в хвост и, застегивая куртку.

— Ну все, я пошла.

— Давай, удачи, — киваю я ей, оставаясь в комнате одна.

Третьей соседки, Светы, пока нет. Меня это устраивает. Тишина — хоть и давит, но помогает сосредоточиться на конспектах — завтра пара, а материал новый, сложный. Но это не так просто.

Приходится по несколько раз перечитывать, делать пометки. Но все бесполезно. Мысли утекают в другую сторону. Словно кто-то дергает за ниточку внутри, отвлекая, мешая, раздражая. Я прекрасно знаю, кто.

Снова вижу его взгляд. Снова слышу голос.

«Смотрю, ты уже стала звездой, Воробушек».

Мурашки невольно ползут по коже. Вспоминается все и даже больше. Фантазии уносят меня далеко, приходится тормозить.

Недовольно шиплю в подушку от злости. Черт бы тебя побрал, Тихомир!

За несколько минут до десяти, дверь тихо скрипит — в комнату заходит Света и расплывается в дружелюбной улыбке.

— Йоу, как там наша новенькая? — тянет она, скидывая кроссовки. — Что ты их клеишь? — кивает на мои ботинки. — Выброси и новые купи.

— Было бы на что, — отзываюсь сухо, не поднимая головы.

Света подсаживается ближе. У нее сегодня новые серьги и запах дорогого парфюма. Где она только берет все это?

— Ты не думай, я не злюсь. Просто... тут надо быстро вливаться. Ну или искать другие пути, — она улыбается, хитро, почти по-змеиному. — Если хочешь, могу познакомить с нужными людьми. Есть варианты, куда проще, чем вкалывать за копейки.

Я чувствую, как внутри что-то сжимается.

— Спасибо, но я пока сама справляюсь, — выдавливаю из себя.

— Ага, я вижу, — хмыкает она. — Ну, как знаешь. Только если передумаешь дай знать, я помогу с работой. — Света

отворачивается к зеркалу, расчесывая волосы. Я чувствую ее взгляд в отражении, и по спине бегут мурашки. Не нравится мне все это.

Я обещаю себе держаться подальше от этого мира. От всего, что связано с ним. С их тусовками, с их правилами, с этим хищным глянцем. Я сюда не за этим приехала. Я сюда за шансом на лучшую жизнь. Но добиваться всего, нужно самой. С детства внушали воспитатели, что бесплатный сыр бывает только в мышеловке.

Наутро я встаю раньше обычного, собираюсь молча.

Аня уже одета и сидит на кровати, шнуруя ботинки. Она зеваает, потягивается и вздыхает.

— Плохая новость, — говорит она. — Пока мест нет. Вчера одна девчонка просилась на работу. Но начальник отказа, что как только кто-то уволится — сразу скажет мне.

Я стараюсь не показать разочарования, хотя внутри оно отзывается глухим звоном.

— Ладно. Спасибо все равно. Хотя бы попыталась.

Аня улыбается, подмигивает:

— Я держу руку на пульсе. Не бойся.

Мы с Аней выходим из общежития и направляемся к корпусу. У главного входа — шумная компания мажоров, и в центре, как всегда, Тихомир. Он смеется, что-то рассказывает, бросает кому-то пощечину из разряда "по-братски". Когда замечает нас, довольно скалится. Его глаза цепляют меня, будто вызывают к реваншу за молчание.

Я уже собираюсь отвернуться, как вдруг слева появляется Янис. Высокий, уверенный, с тем самым спокойствием, которого мне так не хватало в последние дни.

— Девчонки, вместе пойдем? — говорит он и смотрит на нас с легкой улыбкой.

Аня без колебаний кивает, и я машинально делаю шаг вперед. Под его защитой идти проще. Почти безопасно. Хотя я и не хочу признаваться в этом. Мы втроем проходим мимо компании. Я чувствую на себе взгляд Тихомира. Обжигающий. Испепеляющий. Но не оглядываюсь. Не даю себе права.

Первая пара сегодня совмещенная. Мы с Аней и Янисом заходим в большую аудиторию и садимся на одну скамью. Янис — между нами. Он шутит, подкидывает ироничные комментарии на тему лектора и соседей по ряду. И это... работает. Я смеюсь. По-настоящему. На секунду забываю, где нахожусь.

Но стоит мне обернуться — и я снова чувствую этот взгляд. Слишком острый, слишком близко. Тихомир. Он сидит двумя рядами выше, полуразвалившись на лавке. Смотрит на нас — на меня. Без выражения. Или, наоборот, с его избытком.

Я тут же отворачиваюсь. Что ему опять надо?

Глава 11 Тихомир

Воробушек снова делает вид, что меня не существует.

Проходит мимо, не бросив ни взгляда, ни слова. Будто мы не пересекались. Будто она не пялилась на меня вчера, когда я целовался с Лерой. Ну окей, когда Лера целовалась со мной. Что это меняет?

Она смеется с Янисом. Смотрит на него так, как будто он — безопасный остров среди всей этой грязи. А может, так и есть. Только вот я не могу это спокойно видеть. Бесит!

Меня раздражает ее взгляд. Ее напускное равнодушие. Ее... чистота. Она словно из другого мира. Не такая как все остальные. Лучше. Черт, какая разница?

Я отворачиваюсь, будто мне тоже все равно. Но внутри все горит. И дело не в Янисе. Не в том, что он рядом с ней. А в ней самой.

В этой ее упрямой осанке. В том, как она смеется — тихо, искренне. В том, как смотрит на него, будто он для нее герой. А я? Я — хаос. Я — угроза.

Смешно. Среди своих я — главный. За столом, на тусовке, в любой компании. Рафаэль, Паша, Темыч — все держатся со мной, потому что мы друзья. Банда. Только почему тогда я чувствую себя так, будто сижу на вершине своей горы совершенно один?

Рафаэль ржет над каким-то мемом, Паша подливает себе

газировки. Я киваю, вставляю шутку. Все смеются. Все по плану. Только внутри — пусто.

Я даже не понимаю, чего именно хочу от этой девчонки. Нет, вру. Понимаю. Хочу, чтобы она смотрела на меня так же, как смотрит на него. Хочу, чтобы не морщилась при словах, которые все считают нормой. Хочу, чтобы не убегала, когда я подхожу.

Но чем больше тянет — тем больше хочется ее сломать. Смотреть, как она корчится от слов, как скрипит зубами, как замирает от страха, но не отступает. В ней — сталь под тонкой кожей. И это бесит. И возбуждает одновременно.

Но Янис прет против меня по всем фронтам. Смотрит, будто я у него что-то отобрал. А сейчас — еще и эту девчонку пытается увести. Да ради бога. Только вот что-то внутри скребется, будто не хочет отпускать.

После пар мы собираемся в музыкальном классе на втором этаже старого корпуса. Здесь запах дерева, слегка протертых гитарных грифов и стертых клавиш — мой единственный остров нормальности.

Раф уже врубает синтезатор, наигрывает что-то тяжелое, почти киношное. У него за плечами музыкалка с отличием. Темыч в наушниках барабанит на установке, сбивает ритм, пока я настраиваю гитару.

Пальцы сами находят аккорды. Dm, Am, G. Все просто, но звучит грязно, по-настоящему.

— Готов? — кричит Темыч, снимая один наушник.

— Давно, — киваю я, опуская подбородок и уходя в струны.

Играем. Минут сорок без остановки. Я не думаю. Просто издаю звук. Это то редкое состояние, когда внутри становится тихо. Только музыка, только аккорды, только голос — мой, хриплый, живой. Не Тихомир, зажавшийся сын олигарха. Просто Тихир.

Раф иногда смеется, добавляет в партию что-то свое. Те-мыч кивает в ритм, подыгрывает — и мы в одной волне. Мы одно целое.

Никто из них не лезет с вопросами. Не спрашивает, почему я злюсь или кто меня довел. Они знают, что музыка — это все, что у меня осталось, когда отваливается весь мир.

И пока звучит последний аккорд, а струны дрожат, я закрываю глаза и впервые за день чувствую себя живым. Только музыка. Только сейчас.

Вечером идем с парнями на вечеринку. Шум, свет, алкоголь. Все, как всегда. А мне — скучно.

Паша с девчонкой слинял в дальнюю комнату, уже ясно, чем все закончится. Я рядом с Рафаэлем. Наш аристократичный вампир что-то рассказывает про свою невесту, но я слушаю вполуха. Мне плевать, мысли все равно где-то не здесь. Вращаются вокруг Воробушка.

И вишенка на торте — звонок от отца.

— Слушаю, — бросаю лениво, наблюдая за тем, как девочка гоу-гоу красиво двигается в ритме музыки. Может ее

на ночь?

— Как у тебя с Оксаной? — вопрос ставит в тупик, я даже не сразу понимаю, о ком речь.

— Никак, — откидываюсь на спинку. Ну пиздец, сейчас начнется.

— Очень плохо. Надо встретиться с ней. И не откладывай. Это важно для нас.

Нахрен я во все это ввязался?

— Опять ты со своими сделками, — фыркаю недовольно. Подкладывать меня скоро начнет, как сутенер.

— Это не сделки, а будущее. Или ты хочешь всю жизнь играть на гитаре по подворотням?

— Лучше, чем прогибаться под чужую волю, — парирую я.

— Хватит, — рычит отец. — Думай о сумме на карте. Сказать сколько в месяц мне обходится твое содержание?

И как обычно — нажал, где больно. Я не отвечаю. Просто соглашаюсь на встречу. Потому что, бабки нужнее.

Пишу сообщение Оксане, что жду ее в клубе.

Она появляется ближе к полуночи. Вся в брендовых шмотках, губы — алые, взгляд — хищный.

— Тих, привет, — мурлычет, присаживаясь рядом. — Со-скупился?

— Как же.

Она целует меня при всех. Специально. Ждет реакции. Я едва заметно морщусь и вытираю губы.

— Что за показуха?

— А как ты хотел? — усмехается.

— Вообще-то наш секс закончился без обязательств, — напоминаю я и раздраженно веду плечами.

— Ты мне понравился.

— Поздравляю.

Она отходит, но я чувствую, как ее когти по-прежнему держат меня. Чмом последним себя чувствую, что вынужден прогибаться. Но все же везу Оксану домой. На автомате трахаю, а сам думаю совсем о другой. Воробушек даже в постели не дает мне покоя.

Выпустив пар, отправляю Оксану на такси домой и падаю на кровать спиной. Смотрю в потолок и не чувствую ничего. Какое-то странное отупление. Не хочется ничего, даже шевелиться.

На следующее утро мне все еще мерзко. Даже душ не помогает отмыться. Голова — ватная, мысли — вязкие. Но одно ощущение кристально ясное: я хочу видеть Воробушка рядом. Просто рядом. Чтобы знал, что не сбежит.

Когда вижу ее в холле, внутри что-то шелкает. Подхожу, медленно, с той самой ухмылкой, которая всегда выводит из себя.

— Скучала, Воробушек?

Она косится на меня. Никаких реверансов. Только холод и ожидание удара. Я наслаждаюсь этим напряжением. Слишком уж приятно играть с огнем.

— Ты ведь все еще должна мне, — напоминаю с провокационной улыбкой. — Так вот, я придумал, как мы рассчитаемся. Будешь моей... помощницей.

— Кем? — фыркает она, как будто я предложил ей поднести сапоги.

— Личным ассистентом. Кофе, домашка, сопровождение. Присутствие. Ну и быть на связи. Всегда.

Она дергается. Упрямо.

— Вот еще!

Я приближаюсь. Меньше метра между нами. Слышу, как учащается ее дыхание.

— А, ну значит, пойдем оформим компенсацию. Там, где ты бампер вмяла. Уверен, адвокаты оценят ущерб.

Воробушек сжимает губы. Глаза сверкают. Я знаю этот взгляд. Я выиграл. Но почему внутри — не кайф?

Потому что ее упрямые глаза смотрят на меня не со страхом. С болью. А я... я играю. Потому что по-другому не умею.

— Во сколько же ты оценил свой бампер? — Янис возникает из ниоткуда.

— Тебе какое дело? — оскаливаюсь я, мгновенно вскипая. — Это наши дела.

— Шантаж? Тихир, я думал ниже в моих глазах ты уже не упадешь, — продолжает он выводить меня из себя.

— Да пошел ты, — цежу сквозь зубы.

— Ты прав, — лукавая улыбка трогает его губы. — Пой-

дем, Иль, я провожу.

— Стоять! — рывкаю я и хватаю девчонку за плечо. —
Она останется!

Глава 12 Илиана

— Стоять! — рывкает Тихомир, и я чувствую, как его пальцы сжимаются на моем плече. — Она останется!

— Отпусти, — спокойно, но твердо говорит Янис.

Тихомир не двигается. Его пальцы чуть сильнее вжимаются в мое плечо, и я чувствую, как под тонкой тканью он буквально прожигает кожу. Его взгляд — не на мне. Он смотрит на Яниса, как хищник на другого хищника. В глазах злость, упрямство и что-то еще, что невозможно прочесть сразу. Что-то слишком личное. Слишком опасное.

— Проваливай. Она со мной говорит, — цедит сквозь зубы.

— А хочет пойти со мной, — спокойно парирует Янис, делает шаг ближе.

— Она принадлежит мне и будет делать то, что я скажу, — шипит Тихомир, и голос его срывается.

Все происходит резко. В груди — удар, дыхание сбивается, будто меня выдернули из себя. Люди вокруг останавливаются, оборачиваются, кто-то шепчется. Я чувствую, как напрягается Янис рядом.

— Приди в себя, Тихир. Рабство отменили херову тучу лет назад. Или ты будешь держать ее насильно?

Я дышу неровно. Горло сухое. Мне хочется что-то сказать, но язык прилипает к небу. Глаза жгут от сдерживаемого на-

пряжения.

— Хватит! Я сама решу, — вырывается у меня, хрипло.
— Оставьте меня в покое, вы оба.

Тихомир на секунду замирает. Его глаза опускаются на меня. В них читается все: раздражение, напряжение, колющее недоумение. А еще обида. Как будто я должна была выбросить его. Как будто он вправе ждать этого от меня.

Но я не боюсь. Я злюсь. До дрожи в пальцах. До сжатых зубов. До слез.

— Ладно, решай, — бросает Тихомир насмешливо и отпускает. Его пальцы медленно скользят с моего плеча, как будто он все еще хочет удержать. — Потом договорим.

Я стою несколько секунд, не двигаясь, будто вкопанная. Тело ноет от напряжения, но я не могу понять, откуда сильнее — от недавних прикосновений или от того, что Тихомир снова сказал «потом».

Янис слегка касается моей руки — аккуратно, почти незаметно.

— Пойдем? — спрашивает он. Без давления, просто предложение. И в этой мягкости есть что-то настолько чуждое после всего, что только что было, что я киваю. Механически.

Мы уходим. Медленно, не спеша. Я даже не сразу понимаю, что с каждым шагом становится легче дышать. Воздух больше не натянут струной, сердце не пытается выскочить из груди.

С Янисом мне спокойно. Но я все равно ему не до конца

доверяю.

— Прости, — говорит он после паузы. — Я не должен был вмешиваться так резко.

— Нет, все нормально, — выдыхаю я. — Спасибо, что... вступился.

Он кивает, и мы идем дальше.

— Ты знаешь, Тихир не такой, каким кажется, — говорит он, словно невзначай. — Ты не первая, с кем он... играет. Разводит на секс, а потом...

Я не отвечаю. Но внутри что-то сжимается. Все это слишком похоже на правду. Но мне какое дело? Я не собираюсь иметь дел с Тихомиром.

— А у вас какие с ним терки? — спрашивает он чуть тише.

— Просто... обстоятельства, — неопределенно пожимаю плечами, не желая рассказывать подробности.

— Он тебя обидел?

Я останавливаюсь и смотрю на Яниса. Глаза у него добрые. Теплые. Но я все равно не готова рассказывать подробности своих взаимоотношений с Тихомиром. Даже есть их совсем нет.

— Слушай, он говорил о каком-то долге, — вдруг говорит Янис, осторожно, — Если ты ему должна... Я могу помочь. Ну, если речь о деньгах — я разберусь. Без обязательств.

Он поднимает руки вверх.

— Не надо. Я справлюсь сама, — заявляю решительно.

Еще чего не хватало. От одного отделаться не могу, еще и второй туда же.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.